

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

О.В. Гаман-Голутвина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СТРАН БРИК: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Динамичное развитие стран БРИКС не просто поражает воображение исследователей, но побуждает их обратиться к анализу властных групп этих стран, ибо — при всех различиях в системах рекрутирования и ротации правящих сообществ в столь непохожих странах — именно политике властных групп страны БРИКС обязаны достижениям существенных экономических успехов. Элиты — ключевой элемент системы управления, который играет определяющую роль в любом состоянии системы, а тем более на стадии ее существенной трансформации. Именно существенной трансформацией в государствах БРИКС стали процессы модернизации в конце XX — начале XXI в., результатом которых явилось значительное возрастание экономической мощи и политического влияния стран данной группы. При этом системы формирования элит в странах БРИКС не просто различны — они разительно контрастируют исторически и актуально, что не случайно: государства-члены БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Это обстоятельство побуждает автора данной статьи обратиться к сравнительному анализу, ибо, как справедливо писал Г.-В.-Ф. Гегель, сущность лучше всего познается при пересечении ее пределов.

Сопоставление четырех членов БРИК — сложная в методологическом отношении задача, поскольку общая для сравнительной политологии проблема сравнимости обретает особую остроту в связи с неочевид-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 1403-00815.

ностью оснований и критериев сопоставления в данном случае. Автор подвергает изучению особенности рекрутирования и ротации политических элит, позволившие им стать ключевыми акторами модернизации в странах БРИКС.

Присоединение к группе Южно-Африканской Республики в 2011 г. добавило в аббревиатуру «С». В данной статье анализ будет осуществляться в отношении «первого состава», без ЮАР.

Ключевые слова: БРИК, БРИКС, властные группы, политические элиты, рекрутирование политических элит, ротация политических элит, модернизация.

Сопоставление четырех членов БРИК — сложная в методологическом отношении задача: общая для сравнительной политологии проблема сравнимости обретает особую остроту в связи с неочевидностью оснований и критериев сопоставления в данном случае.

Государства-члены БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Не случайно о данной группе стран порой говорят, что их не объединяет ничего, кроме аббревиатуры БРИК. На наш взгляд, последнее суждение неточно: хотя автор термина Jim O'Neill в 2001 г. не предполагал какого-либо интеграционного измерения данной группы стран, в настоящее время ясно, что БРИК — это объективная геополитическая реальность. Более того, саммит БРИКС¹ в Форталезе (июль 2014 г.) был отмечен качественным возрастанием экономического потенциала, а значит, и политического влияния в связи с созданием Банка развития и пула резервных валют.

Можно назвать целый ряд общих для всех членов БРИК характеристик, которые включают два блока показателей. Первый характеризует *статичные* показатели: значительные масштабы территории и населения; все члены группы обладают значимыми природными ресурсами, что дает основание для определения данной группы как *стран-гигантов*.

Второй блок показателей характеризует *динамику* эволюции членов группы: все страны БРИК демонстрируют высокую динамику догоняю-

¹ Присоединение к группе Южно-Африканской Республики в 2011 г. добавило в аббревиатуру «С». В данной статье анализ будет осуществляться в отношении «первого состава», без ЮАР.

щего роста, осуществляют масштабные институциональные и структурные преобразования, обладают значительным потенциалом роста в средне- и долгосрочной перспективе.

Особый интерес в изучении стран БРИК представляет политическое руководство этих стран, поскольку именно элиты — ключевой элемент системы управления, который играет определяющую роль в любом состоянии системы, а тем более на стадии ее существенной трансформации. Именно существенной трансформацией в государствах БРИК стали процессы модернизации в конце XX — начале XXI в., результатом которых явилось значительное возрастание экономической мощи и политического влияния стран данной группы.

Каковы особенности рекрутирования и ротации политических элит, позволившие им стать ключевыми акторами модернизации?

Наибольшее число сходных черт прослеживается в случае сопоставления российского и бразильского случаев.

Среди сближающих процессы модернизации в России и Бразилии характеристик наиболее значимые следующие.

Импульсы модернизации и в России, и в Бразилии исходили сверху: и в СССР в середине 1980-х годов, и в РФ в начале 1990-х годов инициатором демократизации явилось высшее политическое руководство страны.

Традиционными пулами рекрутирования политических элит в Бразилии, как и в пореформенной России, были государственный аппарат, региональные администрации, политические партии и общественно-политические движения, крупный бизнес — федерального и регионального уровня, университетская среда; в Бразилии до 1985 г. важнейшим институтом рекрутирования политического руководства была армия. Достоинством существующей системы рекрутирования и ротации стал режим реальной политической конкуренции, в рамках которой существенное значение имеют позиции крупного национального капитала и транснациональный бизнес. Наиболее значимые механизмы карьерного продвижения — конкурентные выборы, в ходе которых особое значение имеют имиджевые технологии, основанные на медиатизации имиджа лидера; публичная политическая деятельность; общественная популярность (особенно в случае обладания харизмой, как это было с Лулой); профессиональная компетентность (как в случае Кардозу, осуществившего обуздавший гиперинфляцию знаменитый План Реал), но также механизмы негативной селекции, как протекционизм и коррупция.

Главные черты сходства модернизационных процессов в двух странах определялись совпадающими концепциями и стратегиями модернизации: и в Бразилии, и в России начала 1990-х годов методологической рамкой осуществления модернизации стал неолиберальный экономический курс в формате «шоковой терапии». Российские реформаторы не раз отмечали, что важнейшей целью ускоренной приватизации была не экономическая эффективность, а социально-политические цели, а именно: создание социальной базы новой политической власти. Как и в России начала 1990-х годов, политика «шоковой терапии» в Бразилии была продиктована установками элиты на осуществление epochальных перемен одновременно.

Идентичными в обеих странах были и методы реализации «шоковой терапии» — преимущественно директивными авторитарными методами (в случае России достаточно упомянуть расстрел в Москве в октябре 1993 г. здания парламента, депутаты которого не согласились с концепцией Ельцина по радикальному реформированию).

Осуществление рыночных реформ усилило размежевания в среде и бразильских, и российских элит. Линии элитных расколов в обеих странах были разнообразными; большинство из них в двух странах совпадали. Прежде всего, это раскол по линии ветвей власти. В России конфликтом президента и парламента было отмечено начало 1990-х годов. В Бразилии выражением усиления этого раскола стал конфликт при президенте Ф. Коллоре между исполнительной и законодательной ветвями власти — президента и парламента.

Другим значимым расколом внутри бразильских элит, как и в России, стала линия центр — регионы. Правда, есть и отличие. В России усиление влияние региональных лидеров носило кратковременный характер (оно существенно возросло в 1990-е годы): уже в начале 2000-х годов центральная власть вернула себе утраченный было приоритет в отношениях с региональными руководителями. В Бразилии значительные на протяжении всего XX в. обширные полномочия региональных властей оставались константой и не были поколеблены даже в условиях военной диктатуры. В условиях политической и экономической турбулентности 1990-х годов влияние региональных элит еще больше возросло и сопровождалось в Бразилии (как и в России) усилением центробежных, а порой и сепаратистских тенденций. Нередкими были открытые конфликты региональных и федеральных властей.

В упомянутых конфликтах ветвей и уровней власти проявилась незрелость политической культуры элит обеих стран — неготовность к компромиссу и неразвитость культуры диалога. В позициях бразильских парламентариев преобладали не общенациональные, а региональные устремления, защита интересов отдельных кланов и групп, личных интересов депутатов. Аналогичной выглядит характеристика и российских депутатов. Проведенное под руководством автора этих строк исследование эволюции российского парламента в рамках общеевропейского проекта «ППЕ» показало, что в законотворческой деятельности личные и корпоративные интересы депутатов нередко брали верх над общенациональными.

Еще одним значимым расколом в среде элит, на сей раз экономических, который составляет сходство противоречивых процессов модернизации в России и Бразилии, стали размежевания между национально ориентированным бизнесом и компрадорскими силами. Кроме того, в обеих странах совпадает конфигурация факторов экономического успеха — условием бизнес-успеха является покровительство политического руководства. Неудивительно, что в условиях данной системы коррупция становится повседневной практикой. Причем характерно, что победить эту болезнь в Бразилии не смогли ни правые, ни левые во власти. Коррупция — проявление более общей проблемы: обширного в обеих странах неформального сектора экономики и системы теневых отношений, в том числе откровенно криминальных.

Но главный раскол в среде бразильских элит — это раскол относительно повестки модернизации, ее приоритетов и направлений, а также по вопросу соотношения модернизации и демократизации. Данные расколы имели формат вызова: возможно ли совмещение неолиберальной политики с реализацией активной социальной политики? Поскольку в качестве главного инструмента смягчения негативных последствий неолиберального курса рассматривалось государство, это определило смещение в центр общественных дискуссий вопроса о роли государства в условиях глобализации, трансформации его полномочий и функций, о роли в процессах модернизации и демократизации, конфигурации способствующего модернизации политического режима.

Подчеркнем специфическую конфигурацию данного раскола. Как известно, в Бразилии, как и в большинстве стран региона, размежевание между правыми и левыми флангами политического спектра является одной из наиболее значимых демаркационных линий, что определе-

но наличием мощных левых сил: не случайно на рубеже XX и XXI вв. в Латинской Америке произошел знаменитый «левый поворот». Раскол в бразильских элитах не повторяет буквально раскол между правыми и левыми, он сложнее: так, придя к власти, Лула не смог отказаться от проведения экономического курса, близкого по содержанию к курсу его предшественника у власти Кардозу.

Нахождение оптимального баланса между рыночными мерами и эффективной социальной политикой стало фирменным знаком правления Лулы и обеспечило успех политики модернизации на рубеже XX и XXI вв. Активная и гибкая управленческая политика в 2000-х годах позволила Бразилии оперативно преодолеть последствия экономического кризиса и восстановить темпы экономического роста на уровне 5 % в год уже к 2010 г.

В России на протяжении последнего двадцатилетия также существует размежевание относительно стратегии модернизации. Приверженцы первой линии придерживаются монетарных установок, тогда как их оппоненты выступают за проведение более социально ориентированного экономического курса.

Однако раскол относительно повестки и стратегии модернизации не был в России главной линией раскола элит: абсолютное большинство внутриэлитных конфликтов, порой ожесточенных, разгоралось не по политико-концептуальным сюжетам, но по мотивам борьбы за доступ к эксклюзивным ресурсам. Но даже в ходе сущностных конфликтов можно обнаружить элемент партикулярных интересов.

Тот факт, что в центре внутриэлитной борьбы находятся не столько вопросы стратегии развития страны, сколько борьба за доступ к ресурсам, характеризует уровень мышления, мировоззренческие установки, ценностные ориентации отечественных элит.

В контексте обсуждения сходных черт модернизации и Бразилии, и России следует обратить внимание на еще одну неслучайную характерную особенность, аналогичную для Бразилии и России. Фирменным знаком современного латиноамериканского стиля лидерства выступает харизматический стиль популизм. Лидерами-популистами в разное время были президент Бразилии Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем. Суть этого феномена в том, что лидеры латиноамериканских стран, будучи в большинстве случаев выходцами из высших страт общества, стремятся позиционировать себя как отцов всей нации, как лидеров «над схваткой», обращаясь напрямую, минуя партии, к народу.

Сходство лидерского стиля в Бразилии и России дополняется *близостью характеристик массового сознания и поведения в обеих странах*, где накануне шоковой терапии наблюдалось состояние эйфории, ожидание чуда, одномоментного вхождения в рыночный рай, восприятие лидера страны в качестве мессии, который одним махом осчастливит всех обездоленных.

Наличие отмеченных выше сходных черт не отменяет ***отличий бразильского и российского опыта***.

Во-первых, стоит отметить *разносоставность повесток модернизации в России и Бразилии*: если в первом случае важнейшей задачей была маркетизация государственного социализма, то во втором — речь шла лишь о расширении сферы рыночных отношений за счет урезания полномочий государства.

Вторым существенным различием Бразилии и России являются *отличия алгоритмов модернизации*: если в России ориентированный с начала 1990-х годов преимущественно на монетарные императивы вектор экономической политики не претерпел существенных изменений на протяжении всего последнего десятилетия, то в Бразилии первоначальная монетарная модель не стала догмой и в начальный план были внесены существенные коррективы.

Существенно *отличался в двух странах и темп модернизации*: в Бразилии был реализован реформистский, а не революционный, умеренный, а не радикальный алгоритм преобразований. Причем умеренные алгоритмы проведения политического курса характерны и для периода демократического транзита (1985–1994 гг.), и для «эры Кардозу» (1995–2002 гг.), и для «эпохи Лулы» (с 2003–2010 гг.). Стоит отметить, что, несмотря на авторитарное наследие военной диктатуры, даже в условиях острых конфликтов между ветвями и уровнями власти, между различными политическими фракциями внутри федеральной элиты данные конфликты не обретали формата войны, а стороны конфликтов не прибегали к силовым стратегиям: ни один из президентов не прибегал к крайним репрессивным или насильственным мерам.

Уникальной особенностью организации правящих элит в **Китае** является ее поразительная устойчивость: сложившись в основных чертах около двух тысяч лет назад, она продолжает существовать (хотя и в модифицированном виде), несмотря на происшедшие в XX в. тектонические трансформации (социалистическая революция 1949 г., переход к смешанной экономике в конце 1970-х годов). Другая значимая осо-

бенность организации власти в Китае — система традиционных ценностей китайской цивилизации: в этом в полной мере проявляется в том, что Китай — это цивилизация, выдающая себя за страну. К числу базовых ценностей следует отнести приверженность традиции и уважение к старшим, признание обоснованности иерархизма и аскеза, умение довольствоваться малым, дисциплинированность и организованность, приверженность этическим заповедям конфуцианства, готовность к напряженному труду, высокая трудовая этика.

Эти ценности, сложившиеся около двух тысяч лет назад как осмысление философских оснований конфуцианства, даосизма и легизма, проецируются на систему рекрутирования властной элиты в качестве системообразующих принципов.

Наиболее важными из них являются неизбежность и целесообразность вертикальной политической иерархии; понятие «мандата Неба» на правление, который получает первое лицо Поднебесной; меритократическая по сути система карьерного продвижения управленцев, построенная на воспринятом от конфуцианства культе знаний и системе экзаменов; убежденность в необходимости поддерживать непрерывность и стабильность системы трансляции власти и значимая роль старшего поколения руководителей в выборе и продвижении преемников; выбор преемника происходит посредством многоступенчатых консультаций преимущественно путем согласований.

Из перечисленных принципов «фирменным отличием» Китая можно считать прежде всего сложную систему используемых для отбора управленцев многоступенчатых экзаменов на знание гуманитарных текстов, ставшую важным фактором вертикальной социальной мобильности.

Экзаменационная система и дает основание для определения сложившейся в Китае на протяжении полутора тысяч лет системы рекрутирования как меритократии.

Алгоритм передачи власти, который иногда называют «престолонаследием на два срока вперед», предполагает, что первое лицо государства может занимать свой пост только в течение десяти лет — только два срока без шансов вернуться на вершину политического Олимпа.

Всестороннюю подготовку проходят не только кандидаты на высшее лидерство, но и вся нижестоящая управленческая иерархия. В КНР функционирует разветвленная, многоотраслевая и многоуровневая система подготовки кадров, включающая такие учреждения, как Партий-

ная школа при ЦК КПК, Государственная административная академия, Центральная академия национальностей, Академия военных наук Китая, Академия национальной обороны НОАК и др. Институт государственных служащих стал значимым элементом общенациональной системы управления.

Механизмами модернизации этой направленной на обеспечение качества кадровой ротации системы стали введенные в последние годы нормы: запрет практик пожизненного пребывания на руководящих постах и традиции единоличного назначения лидером КПК своего преемника; обязательность практики регулярного обновления и омоложения состава руководящих кадров.

Важный элемент механизма ротации — циркуляция кадров по стране, которая была в прошлом и является сегодня важным фактором национального единства. Значимым механизмом обеспечения качества кадров считается ставшая существенным дополнением традиционных экзаменов система контроля, включающая комплекс финансово-контрольных и аудиторских структур под руководством Министерства контроля Госсовета.

Основным пулом, из которого черпаются руководящие кадры, стал партийно-государственный аппарат. Рекрутирование и ротация носят относительно открытый характер: госслужба по партийной или государственной линии доступна всем независимо от происхождения, главное — качество образования и эффективность работы, хотя в реальности сельские жители располагают несопоставимо более ограниченными по сравнению с горожанами возможностями доступа к образованию. Но еще более важную роль, чем управленческая эффективность, играет партийная принадлежность: несмотря на имевшие место прецеденты участия в высших эшелонах власти представителей других партий или беспартийных, приоритет КПК не подлежит обсуждению.

Армия не является кадровым резервом: по сложившейся в Китае традиции партия командует винтовкой, а не винтовка командует партией.

Что касается выдвижения представителей бизнеса на ключевые политические позиции, то, несмотря на имевшие место прецеденты, когда предприниматели занимали управленческие позиции низового уровня, их продвижение на общенациональный уровень не приветствуется.

Политическим Олимпом КПК и КНР является Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК — закрытый орган, включающий высшее руководство КНР и КПК и известный тем, что его решения принимаются пре-

имущественно консенсусом. Следующий круг власти — ежегодные пленумы ЦК, участие в которых принимают 350 наиболее влиятельных партийных чиновников. В рамках пленума ЦК узкий круг китайских руководителей принимает все основные решения, которые затем обсуждаются и официально утверждаются на более публичных мероприятиях — ежегодных сессиях Всекитайского собрания народных представителей. Наиболее значимые стратегические решения утверждаются раз в пять лет на съездах КПК. Особую роль в политической системе КНР играет армия НОАК. Высшим партийно-государственным органом является Центральный военный совет, который наряду с дублирующим его по персональному составу Военным советом ЦК КПК командует всеми вооруженными формированиями страны и представляет собой один из ключевых элементов властной иерархии КНР.

Важнейшее значение для устойчивости системы имеет способность элит разрешать внутренние конфликты путем компромиссов. В КНР не только передача власти от первого ко второму поколению руководителей происходила конфликтно (арест в 1976 г. «банды четырех» и отстранение от власти в 1978 г. Хуа Гофэна), но и передача власти от второго к третьему поколению (освобождение от всех постов Чжао Цзяна с назначением Цзян Цзэмина в 1989 г., в том числе в связи и массовыми выступлениями на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г.) стала серьезным испытанием устойчивости политической системы КНР.

Передача власти в 2002 г. от третьего к четвертому и от четвертого к пятому поколению прошла неконфликтно. Значит ли это, что политическое руководство КНР монолитно и лишено внутренних противоречий? Отнюдь: мирный характер трансляции власти в 2002 и 2013 гг. не отменяет существенных различий в позициях различных сегментов китайской политической элиты.

До недавнего времени наиболее распространенным в профильной литературе тезисом было положение о размежеваниях по линии «*princelings*» («наследники») — «комсомольцы». На наш взгляд, это суждение неточно — скорее, имеет место компромисс между этими группировками, учитывая формирование действующего тандема Си Цзиньпин — Ли Кэцян: первый принадлежит к первой группе, последний — ко второй.

Возражения против представления о важности «наследников» заключается не столько в том, что феномен «*princelings*» — это специфическое и сугубо временное явление, возникшее на волне молодежных

выступлений 1989 г. в КНР, сколько в том, что карьерные траектории «принцев» радикально противоположны: нынешний председатель КНР Си Цзиньпин и Бо сялай в равной мере вышли из данной категории, но один из них сейчас является Генеральным секретарем, председателем КНР, а другой находится в тюрьме по обвинению в коррупции.

Более обоснованным представляется утверждение о том, что главной линией размежевания в китайской элите являются разногласия между «шанхайцами» и «пекинцами». Это размежевание носит принципиальный содержательный характер, поскольку не просто проистекает из личной политической конкуренции, но основано на концептуальных расхождениях в интерпретации приоритетов модернизации.

Шанхайский клан, лидером которого был стоявший у руля Китая в 1989–2002 гг. Цзянь Цзэминь, будучи представлен выходцами из наиболее экономически развитой территории Китая, ориентирован на форсирование экономического роста посредством внешнеэкономической экспансии и индустриализации за счет деревни (стратегия «идти вовне»). Эта стратегия позволила КНР существенно увеличить экономический потенциал и занять второе место в мире. Однако данная стратегия обусловила перегрев экономики, усиление чреватой взрывом социальной дифференциации, в т.ч. между городом и деревней, где проживает две трети населения страны (800 млн крестьян), которая производит лишь 14 % ВВП и имеет очень низкие по сравнению с горожанами доходы.

Пересмотр методов достижения модернизационных задач начался в начале 2000-х годов с переходом власти от Цзянь Цзэминя к Ху Цзиньтао, который, как и большинство его сторонников, представляет интересы центральных провинций Китая. Концептуальным стержнем правления Ху Цзиньтао стал лозунг гармонизации как выражение необходимости более сбалансированной иерархии приоритетов и курса на социально-ориентированное государство и переход от «теории опережающего обогащения» в интересах части общества к «теории гармонизированного совместного развития», когда выгоду получают все.

Однако планы пекинцев наткнулись на сопротивление шанхайского клана экс-председателя Цзянь Цзэминя. Занимая ключевые посты в китайской номенклатуре во времена Цзянь Цзэминя, они выступали за дальнейшее ускорение темпов роста экономики КНР, флагманом которой как раз и является Шанхай. Внутри китайской элиты развернулась продолжающаяся до сих пор борьба, главным сюжетом которой стало противостояние «пекинского клана» Ху Цзиньтао с «шанхайским кла-

ном» Цзян Цзэминя. Названия эти кланы получили не по принципу происхождения их лидеров: центральный предмет борьбы между ними — вопрос приоритетов экономического развития Китая. Шанхайский клан выступал и выступает за ускорение темпов экономического роста страны. В то время как «пекинские» опасаются, что в стране может начаться революция, вызванная неравенством между богатеющими с каждым годом горожанами и 800-миллионным крестьянством.

Постепенно вытеснив ключевые фигуры шанхайского клана из высших эшелонов власти, особенно на провинциальном уровне, пекинский клан взял курс на масштабные перемены, включающие увеличение расходов на нужды деревни и на систему социального обеспечения. Эти шаги означают переход Китая к новой стратегии, основанной на сочетании («гармонизации») внешнеэкономической экспансии с социально-экономическим развитием страны.

Базовое противоречие между пекинцами и шанхайцами в полной мере проецируется на решение конкретных проблем. Непрерывающаяся борьба с коррупцией находит адреса, в том числе в противостоящих кланах и предстает также инструментом межэлитной борьбы и перераспределения контроля над государственными активами и финансовыми потоками.

Таким образом, основные разделительные линии в китайской элите, как и в бразильской, пролегают по базовым концептуальным вопросам относительно стратегии, приоритетов, этапности и социальных измерений модернизации. Форсирование модернизации на первом этапе, сопряженное усугублением социальных расколов и формированием социальных рисков, побуждает искать корректирующие стратегии. Анализ показывает корреляцию между проводимым курсом и социально-политической аффилиацией его субъектов. Разногласия между элитными сегментами имеют различный формат, но порой обретают очертания жесткой политической борьбы, сопряженной с политическим уничтожением противников. Таким образом, специфическую китайскую систему можно определить как движение от меритократии к меритократии без демократии.

Базовые ценности и характеристики индийской цивилизации определяют важнейшие характеристики системы власти в **Индии**. Это культ знаний, определяющий стремление к освоению культуры и науки; кастовая стратификация, санкционировавшая кастовое неравенство и иерархичность; приверженность принципам ненасилия, в основе которой — при-

знания роли кармы и дхармы в определении судьбы человека. Эти ценности одной из древнейших цивилизаций сочетаются с воспринятой от британской колонизации традицией партийной конкурентной политики. Но демократические принципы не чужды и самой индийской культуре.

Конфигурация политической вертикали Индии определяется устойчивостью кастовой системы, выступающей основанием социальной иерархии. Цивилизационную парадигму Индии эксперты называют элитарной, что непосредственно связано с кастовым наследием. Важнейшей особенностью кастовой системы является консервация разделения на протяжении не только веков, но даже тысячелетий. Несмотря на то что кастовая система была отменена Конституцией 1950 г., на практике она, хотя и в несколько смягченном виде, сохраняется. Не случайно в профессиональной политической жизни на протяжении первых десятилетий независимости участвовали преимущественно представители высших страт, обладавшие необходимым образованием и подготовкой. Это существенно отличает индийские практики, по существу элитарные, от китайских, по сути эгалитарных и меритократических.

Несмотря на устойчивость кастовой и — шире — жестко-стратификационной системы, изменения в пользу ее смягчения в период независимости все же происходили. В частности, это выразилось в вовлечении в политику не только представителей высших каст, но и выходцев из торговых и земледельческих сословий. Получив необходимое образование, они приходили в политику, занимали посты в парламенте и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Ныне даже неприкасаемые участвуют в политическом процессе.

Наиболее востребованной в политике является интеллектуальная среда как важнейший пул рекрутирования элит, что обусловлено традиционным для Индии культом знания. В стране до недавнего времени во многих анкетах люди подразделялись на три категории: мужчины, женщины и доктора наук. Представители бизнес-элиты особенно гордятся своими родственниками, имеющими степень профессора. Собственно, проект индустриализации Индии был выдвинут интеллектуальной элитой страны, пришедшей к власти после обретения ею независимости.

Важной позитивной тенденцией изменения социальной структуры, которые проецируются на политическую сферу, представляется возрастание численности среднего класса. Причем в Индии происходят не только количественные изменения среднего класса, но и качественные — пополнение его состава за счет работников новых развивающих

ся высокотехнологичных отраслей. Новый средний класс проявляет себя в политическом качестве — как перспективный пул рекрутирования политической элиты.

Важнейшими институциональными каналами карьерного продвижения политиков становятся политические партии, важнейшим механизмом — конкурентные парламентские выборы. Парламент предстает ключевой институциональной площадкой артикуляции и продвижения различных политических сил. Именно смена правительств по итогам выборов дает основание для определения Индии как самой крупной демократии в мире.

Другим аргументом в пользу признания демократичности индийской политики предстает преимущественно согласительный формат разрешения политических противоречий и конфликтов, который характерен для решения стратегических проблем, тогда как во взаимодействиях относительно частных вопросов нередко острые столкновения.

Из других особенностей индийских элит следует отметить крайне слабое участие в политике женщин, немногочисленные представительницы которых занимали высокие посты.

Бизнес-элиты рекрутируются преимущественно из торговых каст. Вектор изменений отражает включение в бизнес на значимых позициях представителей низкокастовых слоев.

Таким образом, даже беглый анализ показывает чрезвычайное разнообразие практик рекрутирования и ротации властных групп стран БРИК: если опыт России и Бразилии, несмотря на определенные частные различия, все же характеризуется значительным количеством общих черт системного характера, то сложившиеся в Китае и Индии модели формирования властных элит не только радикально отличны от российской и бразильской, но и сущностно различаются между собой. Значит ли это, что общего знаменателя в процессах элитного рекрутинга не существует. Наш ответ на этот вопрос таков: *общей характеристикой* моделей рекрутирования властных групп в странах БРИК является их приверженность ценностям развития и способность конвертировать эту приверженность в управленческие практики. *Значительные сущностные различия* обусловлены важными различиями в социально-экономических и политических характеристиках четырех государств: в различных средах формируются различные структуры, равно релевантные задачам развития обществ, поскольку достижение сходных целей не означает похожести реализующих эти цели структур.